

Бо Цинъянь обняла Бай Мянэ и принесла его в ближайший постоялый двор.

Всю дорогу Бай Мянэ жался к её груди, не смея поднять голову. С самого начала он так и держался: прятал лицо в её плече, и виднелись лишь покрасневшие донельзя уши. Он не понимал, почему так легко краснеет, но стоило ей обнять его и повеять прохладным ароматом снежного кедра, как его сердце начинало отчаянно стучать, а лицо невыносимо горело.

Бо Цинъянь уложила его на кровать.

Бай Мянэ сидел на краешке постели, свесив ноги и боясь шевельнуться. Он украдкой оглядывал комнату, а затем украдкой бросал взгляды на фигуру, стоявшую у стола.

Свет свечи окутал её мягким сиянием, сделав уже не столь холодным, как при луне. Линии её профиля были удивительно красивы: прямой нос, длинные ресницы, чуть сжатые тонкие губы — казалось, она вечно была ко всему равнодушна.

Бай Мянэ смотрел на неё, слегка засмотревшись.

Бо Цинъянь повернулась и прямо встретила с ним взглядом.

Бай Мянэ в испуге опустил глаза, и его уши снова покраснели.

Ничего не сказав, Бо Цинъянь подошла и присела на корточки перед ним.

— Ноги.

Бай Мянэ замер и опустил на неё взгляд.

Она сидела перед ним на корточках, задрав голову, и её холодное лицо оказалось совсем близко. С ним никогда так не обращались: те женщины-практикующие, что навещали его, всегда смотрели на него свысока, и никто не опускался перед ним на корточки, запрокинув голову.

— Ноги, — повторила она, и её голос по-прежнему звучал мягко и бесстрастно.

Только тогда Бай Мянэ опомнился, поспешно вытянул ногу, но на середине пути испуганно втянул её обратно и тихо пробормотал:

— Грязно...

Бо Цинъянь взглянула на него, ничего не ответив.

Она протянула руку, обхватила его за щиколотку и притянула его ногу к себе.

Бай Мянью всем телом напрягся.

Эта рука была чуть прохладной, подушечки пальцев покрывали тонкие мозоли, и её хватка на его тощей щиколотке ощущалась словно оковы. Его ногу вытянули к свету свечи, обнажив жуткое зрелище: ступни были сплошь в грязи, оцарапаны шипами во многих местах, а кое-где из ран сочилась кровь, и всё вокруг сильно опухло.

Бо Цинъюань слегка нахмурилась.

— Когда бежал, боли не чувствовал?

Бай Мянью опустил глаза и тихо ответил:

— Чу... чувствовал... Но если бы не побежал, меня бы поймали...

Бо Цинъюань не стала продолжать.

Она смочила платок, отжала его, взяла ногу Бай Мянью и принялась её протирать.

Бай Мянью весь окаменел.

Теплый платок скользил по его коже, нежный, как касание пера. Он не смел пошевелиться или издать хоть звука, лишь опустив голову, смотрел на неё. Она вытирала ногу очень тщательно, постепенно смывая грязь и обнажая нежную кожу вместе с ужасными ранами.

Больно.

Но Бай Мянью не смел пискнуть от боли.

Он лишь кусал губы, пальцы ног чуть сжались, и в глазах снова защемило.

Бо Цинъюань подняла взгляд и посмотрела на него.

Юноша сидел с опущенной головой, в ресценках блестели капельки влаги, губы были искусаны добела — хотя ему было невыносимо больно, он не издал ни звука, лишь послушно вытянув ногу, чтобы она могла о ней позаботиться.

Она отвела взгляд и продолжила протирать раны.

— Больно — подай голос.

Бай Мян timer растерянно моргнул и тихо спросил:

— Мо... можно?

Бо Циньянь не ответила, лишь движения её рук стали чуть тяжелее.

Бай Мян timer шумно втянул воздух, слёзы брызнули из глаз, и он торопливо прикрыл рот рукой.

Бо Циньянь взглянула на него, и её движения вновь стали мягкими.

Прикрыв рот рукой, Бай Мян timer ронял слёзу за слезой, не смея издать ни звука, и лишь украдкой следил за ней. Она сидела с опущенной головой, выражение её лица было скрыто, виднелись лишь её изящные пальцы и уверенные движения — размеренные, кропотливые, совсем не похожие на те, с какими обычно очищают чьи-то грязные ноги.

В его сердце внезапно хлынуло странное чувство.

Теплое, переполняющее, он и сам не мог понять, что это такое.

Закончив с одной ногой, Бо Циньянь взяла его за другую.

Бай Мян timer посмотрел на неё и тихо прошептал:

— Спасибо вам...

Бо Циньянь никак не отреагировала.

Поразмыслив немного, Бай Мян timer добавил:

— Супруга...

Движения рук Бо Циньянь на мгновение замерли, она подняла на него взгляд.

Стоило ей посмотреть на юношу, как он тут же опустил глаза, его уши полностью покраснели, но он всё же тихо промолвил:

— Вэ... ведь её так называют?..

Посмотрев на него пару мгновений, Бо Цинъянь отвела взгляд.

— Мм.

Бай Мянь замер на секунду, а затем его глаза изогнулись в улыбку, и он изо всех сил попытался скрыть улыбку, тронувшую уголки губ.

Разобравшись со второй ногой, Бо Цинъянь взяла целебный порошок и принялась наносить его на раны.

Порошок, попав на поврежденную кожу, слегка зашипел. Бай Мянь закусил губу, терпя боль, его пальцы на ногах то сжимались, то разжимались, но он так и не отдернул ногу.

Бо Цинъянь подняла на него глаза.

У юноши покраснели веки, на ресницах еще висели капли слёз, но он послушно сидел неподвижно. Свет свечи падал на его лицо, подсвечивая легкий пушок на щеках, делая его похожим на только что очищенную личи.

Она отвела взгляд, равномерно распределила порошок по ранам и взяла чистые полотняные бинты, чтобы завязать их.

Глядя на то, как она ловко перевязывает раны, Бай Мянь вдруг почувствовал, что его веки стали тяжелыми.

После стольких часов беготни этой ночью, слёз, страха и боли он уже давно выбился из сил. Сейчас, в лучах мягкого желтоватого света свечи, окруженный теплом её слегка прохладных рук, он чувствовал лишь, как всё его тело расслабляется, а веки тяжелеют всё больше и больше...

Бай Мянь уже очень давно не спал так хорошо. В хижине на задней горе было холодно, одеяло — тонким, и по ночам он вечно просыпался от зябкости. Но сегодня всё было иначе: нынче в его объятиях стояло такое тепло, будто он прижимал к себе маленькую печку.

Нет.

Не он обнимал печку.

Это печка обнимала его.

Сознание Бай Мяня постепенно прояснялось, и первым ощущением стало тепло.

Очень теплое, невероятно уютное тепло окутывало его со всех сторон. Он невольно прижался ближе к этому источнику тепла, щекой прикинув к мягкой ткани одежды, а в носу закружился прохладный аромат снежного кедра.

Он ошеломленно замер.

А затем медленно открыл глаза.

Перед ним предстал воротник лунно-белой одежды.

Он лежал в чьих-то объятиях.

Этот кто-то прислонился к изголовью кровати, прикрыв глаза, и ровно дышал. Утренний свет пробивался сквозь оконную решетку, ложась на её лицо мягким сиянием и делая это холодное лицо куда более нежным.

Бай Мянй застыл.

Вот так запрокинув голову, он заворуженно смотрел на неё.

До чего же она красивая.

Ему еще никогда не доводилось разглядывать кого-то с такого близкого расстояния. Её брови и глаза словно сошли с картины: изящные изломы бровей, длинные разрезы глаз, густые ресницы, отбрасывавшие крошечные тени на веки. Прямой нос, слегка сжатые тонкие губы, четкие и решительные линии подбородка — словно искусно вырезанная из нефрита статуя.

Обычно, когда она открывала глаза, взгляд её всегда оставался отстраненным и холодным, заставляя людей держаться на расстоянии. Но сейчас, когда её глаза были закрыты, эта ледяная пелена спала, обнажая то, что скрывалось за ней, и оказывалось... оказывалось невероятно красивым.

Бай Мянй остолбенел от созерцания.

Глядя на неё, он думал про себя: так вот какая она, когда спит.

Оказывается, она тоже умеет закрывать глаза, тоже дышит и вот так тихо поживает здесь.

Оказывается, когда она обнимает его, от неё исходит такое тепло.

Он не удержался и снова потерся щекой о её грудь.

Как тепло.

Поистине тепло.

Ему еще никогда не было так тепло. Зимы на задней горе стояли лютые, он кутался в одеяло, сворачивался калачиком, но всё равно мёрз и не мог уснуть. Но сейчас, заключенный в её объятия, он чувствовал себя окутанным теплом, словно погрузился в теплую воду.

Если бы так могло продолжаться вечно...

Думая об этом, Бай Мянь невольно расплылся в улыбке.

Запрокинув голову, он продолжал смотреть на неё.

Любоваться её бровями, глазами, носом, губами. Его взгляд скользил по её чертам, и чем дольше он смотрел, тем прекраснее она казалась, тем труднее было оторвать от неё глаз.

Пока он был полностью поглощен этим зрелищем, его взгляд внезапно столкнулся с другой парой глаз.

Эти глаза неизвестно когда открылись и теперь молча смотрели на него.

Темные, глубокие, не выражающие никаких эмоций.

<http://bllate.org/book/22395/2350067>